

НОВАЯ и НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

55 лет журналу

В НОМЕРЕ:

ПОЛИТИКА ЯНОША КАДАРА ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА

БЕЛЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОЛЬШЕ В 1919–1921 годах

В. УЛЬБРИХТ И “ПРАЖСКАЯ ВЕСНА”: ВЗГЛЯД ИЗ ВОСТОЧНОГО БЕРЛИНА

ГЕРМАНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 года

ШВЕЦИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ И ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ в начале XX века

ВОСПРИЯТИЕ ФРАНЦУЗСКИМИ ПОЛИТИКАМИ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ В 20-е годы XX века

ОТ СТАЛИНА ДО ЕЛЬЦИНА: ВОСПОМИНАНИЯ ИСТОРИКА

П.М. ЛЕССАР (1851–1905) – РУССКИЙ ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР И ДИПЛОМАТ

ПЕТРОВСКАЯ РОССИЯ В ДОНЕСЕНИЯХ БРИТАНСКОГО ДИПЛОМАТА Ч. УИТВОРТА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИК АЛЕКСАНДР ГЕРМАНОВИЧ ВУЛЬФИУС (1880–1941)

КАРЛ КЛАУЗЕВИЦ И РОССИЯ

4
2012

НОВАЯ и НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Мусатов В.Л. Политика Яноша Кадара глазами советского дипломата.....	3
Богуславский А.Р. “Пражская весна”: взгляд из Восточного Берлина	25
Симонова Т.М. Белые формирования в Польше (“Отряд русских беженцев”) в 1919–1921 годах	39
Магадеев И.Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы	58
Игнатченко И.В. Франция и восточный кризис 1839–1841 годов	69
Баранов Н.Н. (Екатеринбург). Германский либерализм накануне революции 1848 года.....	85
Филимонова М.А. (Курск). Ранний аболиционизм в Америке во взглядах “отцов-основателей”	95

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Черкасов П.П. От Сталина до Ельцина: воспоминания историка (к выходу новой книги В.П. Смирнова).....	108
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рюзен Й. (ФРГ). Историческая объективность как составляющая вопроса о социальных ценностях.....	115
--	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Сорока М.Е. (Канада). Портрет российского дипломата: Павел Михайлович Лессар (1851–1905).....	123
Лабутина Т.Л. Петровская Россия глазами британского дипломата Ч. Уитвorta.....	137

ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ

Груздева Е.Н. Александр Германович Вульфиус (1880–1941).....	152
--	-----

СООБЩЕНИЯ

Наземцева Е.Н. Японские оккупационные власти и российская эмиграция в Маньчжоу- Го в 30-е годы XX века	163
Молок Ф.А. Чехословацко-советские культурные связи 1934–1938 годов. Литературные контакты	171
Прусская Е.А. Образ России в прессе восточной армии Бонапарта (1798–1801 годы).....	176

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Табаровская К.А. Швеция в стратегических планах и оценках российских военных и дипломатов в начале XX века.....	183
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Клименко А.Ю. Карл Клаузевиц и Россия.....	195
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Айрапетов А.Г., Романов В.В. (Тамбов). Н.И. Егорова. История холодной войны, 1945–1991 гг. Учебное пособие. Владимир, 2011	199
Волотов О.Г. Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса. СПб., 2011	201
Лаврик Э.Г. Чешско-российские отношения в 19-20 веках. Прага, 2011	204
Петрова М.А. М. Хохэдлингер. Документоведение: наука о грамотах и актах Нового времени. Вена, 2009	207
Величко О.И. Н.С. Плевако, О.В. Чернышева. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. М., 2011	211

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Коршунов Ю.М. Российско-германская научная конференция	214
Ю.И. Рубинский – кавалер французского ордена Почетного легиона	215

Хроника

Коваль Б.И. Памяти Льва Юрьевича Слезкина	216
И.С. Достян	217
Ю.С. Новопашин	218

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

академик В.А. Виноградов, д.и.н. В.Н. Виноградов,
к.и.н. В.Д. Вознесенский, к.и.н. Н.П. Калмыков (зам. главного редактора),
д.и.н. В.Н. Малов, д.и.н. И.И. Орлик, д.и.н. А.В. Пыжиков, д.и.н. А.В. Ревякин,
член-корр. РАН Л.П. Репина, д.и.н. В.В. Рогинский, д.и.н. В.С. Рыкин,
д.и.н. Н.И. Смоленский, д.и.н. В.В. Согрин, академик С.Л. Тихвинский,
академик А.О. Чубарьян.

Ответственный секретарь В.Я. Головин

Адрес редакции: 119049, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26,
тел. 8 (499) 238-08-74 www.novayaistoria.ru

© 2012 г.

Й. РЮЗЕН (ФРГ)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОПРОСА О СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ

В ЧЕМ СУТЬ ПРОБЛЕМЫ?

Приверженность социальным ценностям и претензии на объективность, по-видимому, противоречат друг другу. Ценности – это вопрос личных предпочтений, касающихся практических решений, в то время как объективность является качественной характеристикой познания (ее обоснованность находится за пределами личных предпочтений) и относится скорее к теории, чем к практике. Историческое мышление представляет собой мыслительный процесс, в котором оба элемента играют решающую роль: с одной стороны, оно конституируется и предназначается для практических нужд культурной ориентации, а с другой – претендует на достоверное изображение прошлого, без влияния каких-либо самовольных суждений или нормативных предпочтений.

Напряженность между этими двумя основополагающими элементами была всегда на протяжении всей долгой истории в развитии историографии. В короткой истории научного исторического знания этот конфликт еще более усугубился. Более того, по мере все возрастающей “научности” исторического знания в результате особых методологических подходов, применяемых в исторических исследованиях, существующая между элементами напряженность все чаще становится объектом особого рассмотрения.

ЦЕННОСТИ И ОПЫТ В ПРАГМАТИКЕ ИСТОРИИ КАК “УЧИТЕЛЬНИЦЫ ЖИЗНИ”

До поворота к “научности” историческое мышление придерживалось прагматической стратегии в том, что касалось его взаимодействия с социальными ценностями и претензиями на приверженность истине, находящимися в конфликте между собой. Историки придерживались социального значения беспристрастности, причем именно в той степени, в какой они следовали ей, риторически реконструируя изображение прошлого, при этом создаваемый ими образ прошлого считался правдивым и принимался читательской аудиторией в качестве правдоподобного. Особая риторическая

Рюзен Йорн – почетный профессор университета Виттен/Хердеке (ФРГ).

аргументация уравновешивала, если не объединяла, приверженность социальным ценностям и преднамеренную беспристрастность. Историописание подчинялось риторическим правилам и этическим ценностям, которые определяли как саму форму сочинения, так и его содержание: опыт прошлого интерпретировался в рамках практических правил, придававших прошлому смысл и значение для решения практических проблем настоящего.

Знаменитый девиз “история – учительница жизни” выражал тесную связь между социальной значимостью беспристрастности и логикой исторического познания. История преподавала правила человеческого бытия посредством накопления опыта, превышающего жизнь отдельного человека. Она делала органическим, согласно общим правилам человеческого поведения, опыт всего человечества, который был представлен памятью и традициями, а также осуществлямыми историками исследованиями прошлого. История выводила эти основные правила из опыта прошлого и, делая это, становилась руководством в практических вопросах. Историография позволяла людям, соотносившим ее интерпретации правилам человеческого поведения, установленным на основе опыта прошлого, применять их к конкретным задачам современной жизни и продумывать в соответствии с ними перспективы на собственное будущее и будущее всего человечества. В контексте этой типичной логики, присущей многим поколениям людей, объективность могла означать только то, что социальные ценности обусловлены эмпирическими данными. Они могли быть подтверждены опытом прошлого, рассматриваемого как отражение человеческой натуры, которая, как полагали, была одинаковой во все времена и во всех своих проявлениях.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Научный поворот исторического познания в сторону академической дисциплины не только актуализировал, но и подтвердил связь между моральной приверженностью историка к беспристрастности и претензии историографии на правдивость. В этой связи хорошо известным примером служит знаменитый афоризм Ранке о том, что он “просто хотел показать события так, как они происходят на самом деле”. Это знаменитую фразу он использовал для того, чтобы подвергнуть критике характерную черту поколения, проникнутого ощущением “историчности”, которое “судило о прошлом и наставляло людей на будущее”. Эта типичная черта сохранялась в традиции западной историографии до середины XIX столетия.

Ранке выдвинул новый критерий в определении истины, в противовес традиционной, прагматической. Его он вывел из новой методики исторического познания, а именно – исследования. Оно воплощало познавательную стратегию, посредством которой достоверное знание о прошлом основывалось на источниках. Этот подход определялся методологией таким образом, что ее результаты носили достоверный характер для любого человека, несмотря на различия в ценностной ориентации. Прежняя моральная установка историка, который являлся гарантом истины, теперь была заменена методологией, придававшей историческому познанию качество объективного. “Объективность” означает *межсубъектную достоверность* в двух аспектах: ее можно проверить, обратившись к опыту, и она следует общепринятым образцам интерпретации или исторического объяснения.

Это подчинение исторического мышления четким правилам исследовательских приемов по-иному ставило проблему ценностей в историческом мышлении. В концепции исторического мышления до начала нового времени историк мог придерживаться нормативной ментальной позиции – например, беспристрастности – что было практически обязательно для всякого ученого, кто занимался историей. В современной концепции истории приверженность ученого к социальным ценностям была лишний раз подтверждена относительностью точек зрения. Й.М. Кладениус, который одним из первых дал определение поворота к научности в историческом познании, знаменательно озаглавив свою работу “Всеобщая наука истории” (1752), указал, что любое историческое сообщение,

любое представление о прошлом, формируется “точкой зрения” историка. В результате позиция историка по отношению к другим факторам становится решающим элементом исторического познания. Историческое знание нельзя ни заимствовать, ни выработать без учета как исторического контекста, так и целевой аудитории читателей.

Ясно осознавая академический статус истории как дисциплины, Генрих фон Зибель, ученик Ранке и видный представитель германской исторической науки, в своей вступительной лекции “О состоянии современной немецкой историографии” (1856 г.) заявил следующее: “Были историки, принадлежащие к самым разным лагерям, но не было более объективных, беспристрастных, хладнокровных и невозбудимых историков. Очень плодотворный прогресс! И поскольку очевидно, что нельзя стать настоящим историком, не имея этических убеждений, то не может быть истинного убеждения вне связи с миром, в том, что касается религии, политики и национальности”.

Историческая наука как академическая дисциплина и связанная с ней историография одновременно осознали две вещи: ценностная приверженность к практическим точкам зрения (самый яркий пример тому – национализм) и в то же время последовательное формирование знаний о прошлом посредством методологии эмпирических исследований. Историческая наука последовательно обсуждала релевантность обоих элементов и связь между ними, она делала это на основе практики и на уровне метаисторической рефлексии, касавшейся принципов исторического познания. Историю исторического познания в целом, и историю, как науку, в частности, можно охарактеризовать как постоянное колебание между приверженностью практике и методологической объективностью. Этот долгий спор можно суммировать в виде короткого заключения о том, что ни один из элементов невозможно свести к другому и что они оба носят обязательный характер. Акцент в профессиональной специализации пришелся на методологическую компетентность, а не на политическую приверженность. Именно за счет методологической рациональности историки могли заявить о признании научности их продукции. Благодаря этому созданные ими исторические труды могли сыграть важную роль в политической культуре своих стран.

НОВЫЕ СОМНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Сегодня эта научность подвергается все возрастающему сомнению. Поскольку развитие исторического мышления основано на методологической рациональности и претензии на объективность, то такое сомнение ассоциируется с постмодернистским течением в гуманитарных науках. Постмодернизм подчеркивает зависимость исторического познания от социальных ценностей в такой степени, что для претензии на общую достоверность за пределами различных точек зрения и систем ценностей вообще нет места. В историографии лингвистическому аспекту уделяется больше внимания, в результате на первый план выступают коммуникативные связи между историческим знанием и идеологическими запросами политического контекста. Рациональные стандарты исторического объяснения теряются в потоке двусмысленностей, когда смысл образуется с помощью поэтических и риторических средств языка.

Зависимость от социальных ценностей обуславливается не только ролью самих социальных ценностей в профессии историка, но также нарративной структурой исторического познания в целом, которое теперь и становится главным объектом критики. Такая логически и лингвистически обусловленная зависимость исторического познания от социальных ценностей препятствует возможности любой достоверности исторического знания, абстрагированного от социальных ценностей, как гарантии методологической рациональности изучения. Я намерен переформулировать стремление профессиональной историографии к межсубъектной достоверности (или “объективности”, как было указано выше). Я возьму нарративную логику исторического познания, так ярко представленную в постмодернистских и антиобъективистских метаисторических суждениях о лингвистическом статусе историографии, применив его в поддержку, а не против объективности.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В ПРИДАНИИ ПРОШЛОМУ ФОРМЫ ИСТОРИИ

Важность социальных ценностей в историческом мышлении можно изучать в трех разных аспектах: формирование “истории” как особой интерпретации и представления о прошлом, форма этого представления и, наконец, его функция в культурной жизни.

История представляет собой ментальное отображение прошлого, а не просто изначально данную сущность, которую отражает человеческое сознание. Она является результатом сложного взаимодействия между человеческим сознанием, изначально заданными результатами развития прошлого во времени, которое завершается во внешних и внутренних условиях современной жизни человечества (задавая тем самым перспективы на будущее) и опытом прошлого, представленным тем, что от него осталось. В этой сложной взаимосвязи человеческое сознание воспринимает или приспосабливает прошлое, тем самым создавая “историю”. Человеческое сознание в этом ментальном процессе приспособления использует критерии смысла и значения в интерпретации опыта прошлого и его роли в обстоятельствах жизни человечества. В соответствии с таким подходом современная жизнь ставится в зависимость от эмпирически значимой концепции временных изменений, касающихся внешних и внутренних факторов человеческой жизни. Применительно к “внешнему” измерению история является средством помещения настоящего положения дел в идею временного контекста (настоящего, прошлого и будущего). Что же касается “внутреннего” измерения, то история обеспечивает нашу культурную связь с прошлым посредством концепции идентичности. Эта концепция всегда состоит из собственного жизненного опыта, отличия себя от других и представления о том, в чем другие не похожи на тебя.

Далее, история определяется смысловыми критериями, касающимися временной связи между прошлым, настоящим и будущим. История есть время, трансформированное в смысл, и смысловые критерии, выполняющие историческую работу человеческого сознания, являются основными элементами культурной регуляции человеческого общества.

Чувство содержит отсылку к опыту, но оно особенно эффективно в воздействии на социальные ценности. Чувство является “метаценностью”, его назначение в том, чтобы придавать целостность и обеспечивать эффективность ценностным системам в ходе осуществления человеческой деятельности, использовать значимость опыта для культурной ориентации людей в социальной жизни. С учетом основополагающей роли критериев чувств история инкорпорирует социальные ценности в эмпирический “массив” прошлого. Социальные ценности оживляют историческое сознание и придают представлению о прошлом силу, позволяющую человеку ориентироваться в настоящем, двигаясь к будущему.

Формирование истории на базе ценностей в основном осуществляется через память. Память фиксирует опыт прошлого вместе с теми ценностями, которые присущи желаниям, инстинктам, намерениям и ожиданиям человеческого сознания, и которые проявляются в деятельности каждого человека. Если быть точным, то историческое сознание расширяет и дифференцирует синтезирующую функцию памяти: оно расширяет горизонты опыта и представлений о будущем, выходя за рамки менталитета отдельных индивидуумов, усложняя взаимосвязь между прошлым и настоящим путем специфического интереса к прошлому как таковому. Тем не менее ценности, которые придают конкретное содержание направленности человеческого сознания, сохраняют свою созидающую силу.

Касаясь формы отображения истории, стоит отметить, что именно социальные ценности придают историческому повествованию ту или иную форму, в рамках которой прошлое приобретает статус истории. Нarrативная форма представления о прошлом носит антропологически универсальный характер. Во всем многообразии

своих проявлений, повествование (как ментальный процесс) и сам рассказ (как форма дискурса) играют необходимую роль в процессе общения человеческого сознания с опытом меняющегося мира во временном ракурсе, а также собственным представлениям индивидуума по отношению к другим людям. Влияние социальных ценностей на процесс развития исторического сознания можно изучать на примере готовой повествовательной структуры: в этом состоит значение “истории” как нарративного отображения прошлого. Каждое повествование представляет собой некий конструкт и ориентировано на перспективу с учетом социального положения авторов и их читателей. Перспектива функционирует как фильтр, отбирая те элементы прошлого, которые полезны для понимания положения дел в настоящем и важны для формирования ожиданий на будущее. С учетом ее конструктивной перспективности и селективности каждое историческое повествование представляет прошлое не как “целое”, наполненное фактами всего, что произошло, но как особую временную цепочку событий и структур, отделенных от других явлений их важностью и значением. Благодаря этой ориентации на перспективу, селективности и оригинальности историческое повествование выражает специфику того, с чем оно связано. Делая это, оно устанавливает набор социальных ценностей, через которые эта специфика изложения событий укореняется в сознании самих людей.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

“История”, обладающая отличительным ценностным признаком, выполняет практическую функцию: она ориентирует человеческую деятельность, переживания и отношения в соответствии с эмпирически устанавливаемой и повествовательно конкретизируемой концепцией течения времени. Она учит преодолевать трудности, связанные с постоянной угрозой непредвиденных обстоятельств (крайним выражением которых является смерть), помещая их в смысловую концепцию изменения во времени, относительно которой можно выстраивать практическую жизнь в ее внешнем и внутреннем измерениях. История включает опыт и намерение, память и ожидание, так что каждая проекция будущего связана с опытом прошлого. Только в этой “исторической” форме опыта ценности могут выполнять свою культурную функцию, представляя мир для людей, которые должны жить и вращаться в нем.

Наиболее впечатляющее проявление ценностей в работе исторического сознания можно увидеть на примере того, как оно представляет людей с их идентичностью в качестве временного измерения их специфической формы жизни. Посредством собственной идентичности они отличаются друг от друга, определяют собственную уникальность и значимость по отношению к самим себе и в то же время определяют непохожесть других. Историческое отображение идентичности в основном следует логике этноцентризма: оно сосредоточивается на общих корнях происхождения и развития позитивных ценностей, но в то же время придает конкретную форму негативному опыту и угрозам, несущих в себе непохожесть других. Этот этноцентризм universalен во времени и в пространстве. Однако это не означает, что он является непременным аспектом человеческой культуры, неизбежно ведущей к “столкновению цивилизаций” или, как выразился Гоббс, к “войне всех против всех” на поле исторического сознания, где происходит концептуализация и выражение различия между своим “Я” и “Другим”. Напротив, решающий метаисторический вопрос, касающийся функции культуры в историческом мышлении, связан с правомерностью этноцентризма, его пределами, возможностью преодолеть или хотя бы в перспективе его отдалить. Всегда ли и неизбежно ли история обуславливает оценку собственного “Я” и обесценивает значимость других людей, или есть возможность достичь равновесия в ценностях применительно к взаимодействию себя с другими? Этот вопрос непосредственно приводит нас к вопросу об истине.

ПРЕТЕНЗИИ НА ИСТИНУ, ИЛИ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ МЕЖСУБЪЕКТНОСТИ

Эффективность порождения “чувства истории” зависит от силы убеждения, посредством которого представления о прошлом доходят до читателей. В соответствии с этим изначально присущей чертой отображения истории являются правила, гарантирующие и подтверждающие правдоподобность суждений. До начала нового времени все эти рассуждения носили риторический характер. С поворотом исторической мысли в сторону научности риторика была заменена методологической rationalностью исследования. Новый “научный” поворот, соответственно, характеризовался отходом от риторичности. Риторика, конечно, не исчезла, она осталась необходимым элементом исторического повествования, поскольку историческое познание требовало, чтобы с ее помощью достигался синтез между познанием и политическими ценностями. Однако rationalность методологии стала престижным дополнительным элементом стратегии повествования для достижения правдоподобности. Она гарантирует достоверность исторического знания. Но эта эмпирическая достоверность не охватывает всего нормативного компонента исторического повествования. Различные, даже противоречащие друг другу ценности могут сочетаться при одинаковой эмпирической достоверности (по меньшей мере, в том, что касается так называемых “фактов”, т.е. информации, полученной путем критики источников из свидетельств о прошлом).

Эмпирическая достоверность является необходимым, но никак не достаточным условием правдоподобности исторического нарратива. Критерии чувства и образцы значимости, составляющие специфический “исторический” характер эмпирических проявлений прошлого (который связан с опытом, в том виде, как его передают источники), требуют дополнительного обоснования; эмпирическая достоверность должна дополняться нормативной достоверностью, включающей достоверность основополагающих ценностей исторического повествования. Она складывается из совокупности повествовательных и нормативных убеждений, а также ценностной системы читательской аудитории, включая взаимозависимость между перспективностью, избирательностью и исключительностью исторического повествования, а также особенностями социальной идентичности авторов и их читателей.

Может ли с этой точки зрения методологическая rationalность исследования, которая регулирует процесс познания для получения достоверного знания из источников, играть свою роль? В среде профессиональных историков широкое распространение получила идея о том, что такой rationalности можно придать вид всеобъемлющей концепции методологической нейтральности, как гарантии правдоподобности исторических повествований. Однако эта идея ошибочна: только в том случае, если эмпирические доказательства о прошлом формулируются согласно точкам зрения тех ученых, кто общается в сфере исторического познания, согласно той системе ценностей, которая вытекает из них, именно эти эмпирические доказательства приобретают качество достоверной истории; нейтральность означает конец истории.

ТРАДИЦИОННЫЕ ОТВЕТЫ И УМЕНЬШЕНИЕ ДОВЕРИЯ К НИМ

Возникает вопрос, возможно ли соединение претензий на истину, связанных с ценностями, с претензией на истину, связанной с методологической rationalностью, подкрепленной общей достоверностью эмпирических данных? Так и было в концепции истории до начала нового времени. Практические правила человеческого поведения, выведенные из исторического опыта, преподносились и принимались как универсальные. Сама история преподносилась как доказательство того, что эти правила можно применить везде. В процессе модернизации эта форма генерализации ценностей уступила место историзации самих этих правил. Это вызвало в современном историческом мышлении отмеченную выше структурную проблему достоверности. Решить ее можно двумя различными способами.

Первый – это ранкеанский взгляд на историческую объективность. Здесь использование ценностей в преобразовании эмпирических данных из прошлого в значимую историю подчинялось принципу исторической рациональности. Это было правомерно в рамках определенной философской предпосылки: считалось, что ценности историка имеют ту же природу, что и результаты его исследования, и, следовательно, и к тем, и к другим можно подходить с одной методологией. Объективность исследования гарантировала объективность исследователя. С достаточной правомерностью утверждать такое можно было постольку, поскольку корни нормативных элементов мышления, действующих в процессе образования смысла исторического сознания, усматривались в движущих силах временных изменений человеческого мира. Таким образом, социальные ценности историка отождествлялись с ментальными факторами, создающими историю как изначально заданное значение прошлого, которое можно раскрыть с помощью источников, если их изучать посредством методологии.

Другое решение состояло в сведении исторической истины к эмпирическим данным и к логическому единству исторического познания, в то время как основополагающие ценности игнорировались как по сути своей нерациональные. Представителем этой концепции был Макс Вебер.

Объективизм Ранке утратил свою убедительность после краха идеалистической философии истории, которая помещала повествовательную структуру исторического знания в ткань самого исторического опыта. Позиция Вебера была радикализирована постмодернистским метатеоретическим объяснением повествовательного характера исторического мышления. Теперь в повествовательности усматривается противоречие претензии на истину. Даже эмпирическая достоверность исторической информации перестала быть релевантной, чтобы сделать исторический нарратив убедительным. Причина тому заключается в том, что информация, получаемая путем критики источников, приобретает свой особый “исторический” характер за счет создающих смысл ментальных процессов, которые сами обусловливают историческое сознание, что выглядит как простая фикция перед лицом действительности этих фактов. Согласно модернистской концепции методологической рациональности, доводы постмодернистов в пользу повествовательной структуры исторического сознания подчеркивают не что иное, как иррациональность. В этой аргументации недостаточно внимания уделяется роли опыта. Ориентирующая сила памяти так же прочно основана на способности накапливать опыт, как и на ее склонности все оценивать.

НОВЫЙ ПОДХОД К ЦЕННОСТНОЙ МЕЖСУБЪЕКТНОСТИ

С учетом структурирующей роли ценностей, изначальный ответ на вопрос о межсубъектности должен быть утвердительным, поскольку нарративы требуют признать тех ученых, которые с их помощью общаются. Так как нарративы отражают социальную идентичность тех индивидуумов, кто обменивается ими для того, чтобы выразить свои представления о себе самих, то нам можно принять эту межсубъектность. Но, тогда как быть с отличием других лиц, обладающих (хотя бы подспудно) особой социальной идентичностью? Логика этноцентризма отрицает межсубъектность, поскольку “другие” никогда не принимают тех негативных оценок, которые приписываются им, когда они выполняют функцию контраста с положительной самооценкой тех индивидуумов, кто определяет их непохожесть.

Однако является ли такая логика неизбежной, а, может быть, в дилеммии исторического мышления “Я – Другие” есть иные аспекты, позволяющие преодолеть основное противостояние между добром и злом? Возможно ли в процессе выражения своей коллективной идентичности, отличной от других, действовать на основе нормативной межсубъектности? Модель исторического мышления до нового времени создала такой элемент межсубъектности: общая правомерность правил человеческого поведения выводилась из исторического опыта. Пределы этой межсубъектности становятся видны

как раз там, где исторической мысли суждено сталкиваться с социальной идентичностью отдельного индивидуума, не носящей универсального характера.

Современное историческое мышление придало исторические свойства прежней общей правомерности нормативных правил человеческого поведения. Делая это, оно радикализировало особенные черты коллективной идентичности, привнеся в нее категорию генетической индивидуальности. Все это неизбежно ведет к релятивизму, который фактически стал результатом так называемого “кризиса историзма”.

Первоначально этот кризис означал ограничение проблематики принципов межсубъектности, вызванной методологической рациональностью исследования. Он разместил весь потенциал ценостной межсубъектности исторического мышления в тени позитивистской эпистемологии и преимущественно “технического” понимания исторического метода. Существуют, по меньшей мере, два принципа, которые могли бы гарантировать межсубъектность в сфере ценностей исторического сознания. Укорененные и изначально присутствующие в традиции гуманитарных наук, оба они служат дополнением к методологической рациональности: речь идет о ценности равенства и связанной с ним концепции человечности, рассматриваемой в качестве нормативного образца интерпретации истории. Эти принципы обязательны для достоверности методологической рациональности в обращении с эмпирическими данными прошлого. Ценность равенства изначально присуща претензии на межсубъектную достоверность эмпирических данных, получаемых в ходе исследования. В каждом методе исторического исследования содержится универсальная тенденция, и этот универсализм обладает нормативным измерением, который по сути превратился в систему ценностей политической культуры. Одним из его проявлений являются права человека и гражданина.

Равенство является обязательным нормативным условием для достоверности исторического нарратива, обращенного к мыслительной компетентности тех, кто общается с помощью него. Таким образом, с помощью этого нарратива социальная группа утверждает и объясняет свою идентичность. Нарратив объединяет членов этой группы, утверждая их единую идентичность. Более того, равенство предоставляет потенциал для межсубъектности, касающейся дифференциации между самим собой и другими, поскольку каждый нарратив стремится, хотя бы в целом, к тому, чтобы пользоваться правом признания правдоподобности со стороны каждого в отношении к другому.

Исходя из этого, нарратив является правдоподобным, если каждая сторона согласна с тем, как он отображает их различия. Возможность такого согласия нельзя отрицать и оно является потенциальным обоснованием ценостно ориентированных претензий на истину (межсубъектность) в исторической практике. Соглашение о различиях может быть возведено в методологическое правило, которому подчиняется любой исторический нарратив. Такое правило может связать процесс выработки смысла историческим сознанием с принципом взаимного признания друг друга и различий относительно идентичности себя и других как предмета повествования.

Руководствуясь этим принципом как главной идеей, этноцентризм может быть переведен в форму коммуникации между различными группами и культурами, благодаря чему они могут учиться признавать друг друга и отказываться от ментальной вражды или “столкновения цивилизаций”. Располагая таким принципом, историческая наука может ответить на вызовы глобализации, выражющиеся в том, как подходить к различиям в области культуры. Его историческим обоснованием может стать руководящая идея равенства, которая во все времена отсылала историческое мышление к универсализму человеческого рода. В то же время она может подчеркнуть потенциал такой универсализации, признав различия, основанные на взаимности. Этот принцип при его направляющей силе может и должен стать (а фактически уже является) методологическим руководством для исторической интерпретации прошлого.